
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

ЯРКОВ Александр Павлович

доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Российская Федерация

Alexander P. YARKOV

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
ayarkov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3202-4424

АЛТУХОВА Светлана Алексеевна

кандидат исторических наук,
заведующая отделом фондовых коллекций и социокультурных
проектов Библиотечно-музейного комплекса
Тюменского государственного университета
Тюмень, Российская Федерация

Svetlana A. ALTUKHOVA

Cand. Sci. (General History),
Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
iana.asol@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8035-7725

УДК 39-056.45(571.1/.5)19/20"
ГРНТИ 03.61.91
ВАК 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2020.25.1.010

О гуманитарии «высшей пробы»

Рец. на книгу:

Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост.
предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко,
А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии
и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.
ISBN 978-5-7803-0297-1.

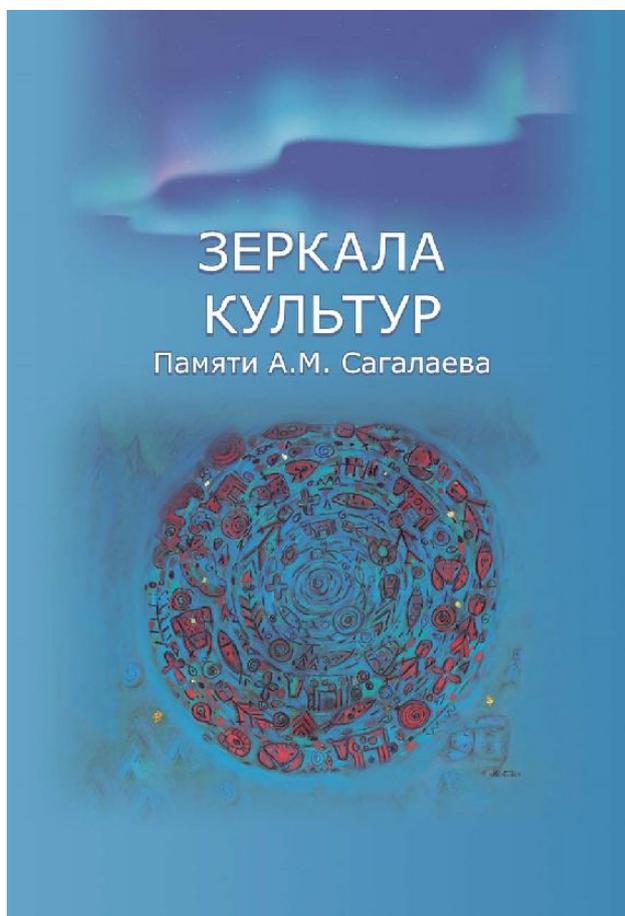
On a Top-Quality Humanity Scholar

Book Review:

Derevianko, A.P. & Elert, A.Kh. (Eds) (2019) *Zerkala
Kul'tur: Pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures:
In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute
of Archeology and Ethnography, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences.
ISBN 978-5-7803-0297-1.

Рецензируется книга, посвященная доктору исторических наук, профессору Андрею Марковичу Сагалаеву, выдающемуся российскому этнографу, педагогу, общественному деятелю. Коллективный сборник, авторами которого стали коллеги, ученики и близкие друзья Андрея Марковича, содержит научные статьи, полевые и архивные материалы, переводы, так или иначе связанные с темами мифологии, фольклора, культовых практик народов Сибири и Дальнего Востока. Вторую часть книги составили материалы, которые можно отнести к эпистолярному жанру: воспоминания, письма и газетная публицистика, и которые в более полной мере позволили раскрыть разносторонность научных интересов Андрея Марковича Сагалаева и грани его неординарной личности.

Ключевые слова: Андрей Маркович Сагалаев, Томск, биография, научная и педагогическая деятельность, этнография, культура, архаическая культура, мифология, шаманизм, Сибирь, Дальний Восток.

В кругу работ по культурной антропологии появилось ещё одно издание [1], отражающее состояние этого направления гуманитаристики в Сибири. Оно вышло в свет в 2019 году и посвящено памяти Андрея Марковича Сагалаева (1953–2002) — выдающегося российского учёного, педагога, общественного деятеля, благодаря которому получила

мощный импульс интеллектуальная среда Новосибирска и Томска.

Структурно книга состоит из двух частей. В первую — научную — включены статьи, архивные и полевые материалы отечественных и зарубежных исследователей, тематически созвучные трудам А. М. Сагалаева. Это вопросы этнографии, мифологии и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Вторая часть сборника — сугубо биографическая — содержит воспоминания людей, знавших Андрея Марковича лично, а также его письма и избранные публицистические работы.

Самое удивительное в том, что, несмотря на биографичность книги, её «заточенность» на личность, главным героем и смысловым стержнем всех без исключения статей и материалов является культура. По представлениям самого Андрея Марковича, «культура не всегда должна воплощаться в храмах и городах, рукописях и идеях» [1, с. 309]. Она как бы имманентно присутствует во всем, что окружает (предметно-материальном мире), и в том, что присутствует в нас (представления, мысли и смыслы о мире и нас самих в этом мире).

На фоне ещё расхожего тезиса об «уровнях» культуры, ложного разделения её на «высокую» и «не совсем...» не случайным кажется выбор заглавия книги — «Зеркала культур», отражающего и множественность культуры, и стремление отразить этот феномен в исследованиях, публикациях, обсуждениях.

Андрей Маркович не был культурологом в прямом (и узкодисциплинарном) смысле. Он

был широко мыслящим ученым, работавшим на «передовой», то есть «в поле». Его многочисленные этнографические и археологические экспедиции и профессиональные поездки в Хакасию, на Алтай, на север Западной и в Восточную Сибирь, в Соединенные Штаты Америки и Японию как бы соединили, замкнули в жизни одного человека Запад и Восток, традиционность и современность.

Исследовательская позиция А. М. Сагалаева во многом обусловлена его пониманием культуры как синтетического явления. Идея очень емко выражена в его высказывании об архаической культуре (оно вынесено на нижнюю крышку переплета сборника): «Жизнь народов Сибири — это не черновики Истории или ее неудачные варианты. Это просто иной путь, единственно возможный в их экологической нише... Архаичная культура не нуждается ни в защите, ни в оправдании. Она требует понимания».

В первую часть сборника вошли работы известных отечественных гуманитариев: А. А. Бадмаева, А. В. Бауло, А. В. Головнёва, Д. Г. Коровушкина, В. И. Молодина, Н. Р. Ойноктиновой и др., отчасти отразив научные интересы самого Сагалаева.

А они были достаточно разносторонни: архаичное мировоззрение и духовная культура коренных народов Южной и Западной Сибири, процессы взаимодействия мировоззрения коренных народов Сибири и мировых религий. Конечно, сфера основных интересов лежала в плоскости исследования культуры тех, кто издавна проживал в Сибири и на Дальнем Востоке. Но не менее интересны читателю наблюдения и размышления Андрея Марковича о современности, о происходящих трансформациях (а всегда ли «модернизациях»?) постсоветского общества. Анализировались ученым глобальные и локальные (сибирские, например) политические процессы, что отражено во второй части сборника.

Темой научных интересов А. М. Сагалаева являлся и шаманизм. Сагалаев считал, что этот феномен выходит за узкие рамки эволюционной теории (определяющий шаманизм как начальную стадию религиозного мировоззрения), предвещающей появление мировых систем. В его понимании, сибирский ша-

манизм — это особая форма натурфилософии природы с ее уникальным комплексом представлений, обрядово-ритуальной и культовой составляющими.

В сборнике практики шаманизма рассматриваются широко. Так, концептуальный «срез» прослежен в статье Д. Ю. Доронина «Конструируя шаманизм: новые значения для алтайской фольклористики». Автор оспаривает «универсально-стадиальную модель» шаманизма, согласно которой он рассматривается через полноту сохранности цельного мифо-ритуального комплекса, включающего и шаманские мистерии, и ритуальное облачение с культовыми предметами, и мифологические представления о божествах и духах, и практики, связанные с психофизиологическими аспектами деятельности шамана — шаманским даром, шаманской болезнью, посредничеством и трансом. В противовес этому Доронин предлагает рассматривать шаманизм как «сложный неоднородный конструкт, к созданию которого в разное время оказались причастны путешественники, этнографы, отцы-миссионеры, психиатры, атеистические работники и религиоведы, журналисты и эзотерики, психотерапевты и (нео)шаманы, работники культуры и национальные лидеры» [1, с. 92]. Эта «панорама» предстает перед авторами рецензии в экспедициях, когда «шаманами наряжаются» бывшие фельдшера и деятели культуры. Причина перевоплощения, полагаем, не только примитивно-утилитарная (меркантильная). Очевидно, следует согласиться с Д. Ю. Дорониным, что определяющей тенденцией современного шамановедения является переход с макроуровня эволюционных реконструкций на микроуровень. Он понимается как переключение внимания с построения эволюционно-стадиальных моделей шаманизма (и его включения в общую сетку развития религиозного мировоззрения) на анализ контекста бытования конкретных разновидностей и исследование «низового уровня» этого конструирования в среде его «носителей» [1, с. 92].

В русле последней тенденции выстроено большинство статей, включенных в сборник. Некоторые посвящены фиксации и введению в научный оборот ритуальных текстов и ша-

манских обращений, малых жанров фольклора и личных историй современных «неошаманов». Значимость этих исследований трудно переоценить. В частности, Р. К. Бардина, обратившись к записи личных песен П. М. Тынзяновой (судьба ее весьма типична для современных обских манси), отметила, что они оказались зафиксированными совершенно случайно и были известны лишь узкому кругу людей, в основном родственникам и близким [1, с. 181]. Другой автор — Г. Е. Солдатова — записала три текста из поселения Щекурью, полнотой их расшифровав.

В сборнике присутствуют и уникальные материалы. Иные представляют этнографическую ценность, потому как собраны сто (и более) лет назад. К ним относятся записи космологических воззрений вогулов (манси), сделанные финским исследователем А. Каннисто в начале XX в. и переведенные Н. В. Лукиной. З. Надь и Н. Тучкова публикуют селькупские сказки, собранные выдающимся венгерским ученым-путешественником, этнографом и лингвистом К. Папай в 1888 г. Это, заметим, первые фольклорные сборы у среднеобской (иванкинской) группы селькупов.

Ряд опубликованных в сборнике статей посвящен генезису мифологем, выявлению общего и особенного в мифологических сюжетах разных этносов и этнических групп, поиску заимствований и источников происхождения отдельных мифических (культурных) героев и сюжетов.

А. М. Сагалаев замечал, что деление мира на три уровня — Верхний, Средний и Нижний — слишком условно. Изучать же их необходимо в контексте того, каким его видят сами носители. Но многие авторы верны схеме: Н. Р. Ойроткина обратилась к исследованию архетипов мифологических персонажей (присутствующих в шаманской мифологии алтайцев), а именно к божествам нижнего пантеона: Падыш-Керей, Падыш-Бёкё, Шынай-Каан, где первые два имени, замечено, позаимствованы в исламском мире. Ойроткина пришла к выводам, что иные шаманские тексты сохраняют древнейшие архетипы и символы, связанные с представлениями об устройстве мира, о жизни на земле и потустороннем мире. На основе этнолингвистического анализа имен этих бо-

жеств исследовательница выявила, что они могли возникнуть на «базе» архетипов, существовавших в древних мифологиях, в частности, в древнегреческой и шумеро-вавилонской. Сказано, что «Образ Падыш-Керея „в лодке без весел“ ассоциируется со старым Хароном, перевозчиком душ в подземном царстве Аида. Образ Бий-Дьябаша с гривой жеребца находит параллель с кентавром, а образы Шынай-хана, поднимающего потоп, и Падыш-Бёкё, проглатывающего жернова, ассоциируются с подземными титанами, вызывающими различные природные стихии. Образ Киштей можно сравнить с Медузой, с одной из трех древнегреческих Горгон». Объяснение столь глубоких корней алтайской мифологии автор находит в культурно-исторических контактах предков алтайцев с другими народами, разноплеменном составе тюркских этносов Южной Сибири, что подтверждает синкретичный характер архаичного фольклора [1, с. 44–45].

Н. О. Тадышева рассматривает мифологические представления тюрков Саяно-Алтая на примере трёх образов: «огонь — молоко — дерево». С одной стороны, она отмечает, что сюжеты прослеживаются во многих мифах алтайцев, тувинцев и хакасов. Это можно объяснить их общей историей и сохранением близкого культурного «кода». Как и тем, что сюжеты относятся к неким мировоззренческим универсалиям, определяемым природным и историческим опытом. С другой стороны, каждый этнос формирует собственный образ мира, выражающий присущую только ему картину мира [1, с. 70–71].

К схожим выводам приходит и О. В. Василенко, обратившись к изучению казымского локального варианта хантыйской мифологемы «река» в обрядовом песенном фольклоре. По ее мнению, «мифологема реки питает образно-символический параметр сакральных и профанных песен Медвежьего праздника. Мифологема реки представляет собой важнейшую единицу. Очевидным становится и присутствие в культуре северных (казымских) ханты не только номинативной функции («оживление мира» в именах, реформирование мира через его переименование), но и коммуникативной (мифологемы в качестве «слов» ритуального словаря общения). Это реализует

концепты мифологического мышления; имеет стабильное содержание (и тем приближается к аллегории). Мифологема реки, например (1, с. 160), — это «ценностная форма культурной памяти этноса». Таким образом проявляются семантические возможности как внутри заданной содержательной традиции, так и в сочетании с другими мифологемами.

Несколько статей посвящены изучению зооморфных образов. Например, образ змеи в мифологии бурят рассматривается в работе А. А. Бадмаева; орнитологическим сюжетам в религиозных представлениях и мифотворчестве народа манси посвящена статья А. А. Люцидарской и Е. М. Мелешко. Подобные исследования значительно пополняют архивный багаж науки, так как наглядно визуализируют и конкретизируют отдельные фрагменты картины мира различных регионов и социумов, выявляя символику и семантику их мифологем и культов.

Особое место в сборнике занимают работы, посвященные описанию культово-обрядовых и ритуальных элементов. Наверное, именно эту деятельность Андрей Маркович считал самой значимой для этнографа, поскольку только так и можно исследовать культуру. Ведь у нее нет заданных «изначально» универсалий. Нет и абсолютно идентичных сюжетов. Соответственно, каждая из культур («больших» и «малых») уникальна. Это отражается в ритуальных практиках и в мифологических сюжетах, в культах и традициях, в предметно-бытовой среде. Описывая и фиксируя их, этнограф не только работает на сохранение этих элементов, но и изучает традицию, погружается в нее, принимает ее смыслы и ее язык. Тем более что чем дальше от нас отстоит элемент (явление / дискурс) культуры, тем труднее детально и достоверно описать его. Сложно найти носителей и тех, кто помнит...

Пессимистична ситуация в традиционном для Горного Алтая виде промысла. Об этом пишет (и это его право) Д. Г. Коровушкин, считая, что за небольшой исторический период (в сто лет) в охотничьем промысле жителей произошли колоссальные и необратимые изменения. Культурная традиция автохтонов, чья экономика базировалась на этом

промысле (вплоть до позднесоветского периода), в настоящее время трансформировалась в охоту ради развлечения. А это весьма затратное средство получения удовольствия от собственного умения и удачливости.

Сложно обстоит дело с сохранением погребального обряда у северных ороков (уйльта). По материалам, собранным еще советскими этнографами Б. А. Васильевым и Ю. А. Семом, Л. В. Озолиня удалось восстановить содержание этого обряда и определить, что он во многом сходен с обрядами погребения амурских тунгусо-маньчжуров. Тогда как в настоящее время в Сахалинской области (где компактно проживают северные ороки) этот обряд полностью утрачен, без сохранения даже устных преданий о нем.

Подобным образом дело обстоит и с этикетными нормами нганасан, которые ранее были представлены в иносказательных песнях кэйнгэйрса, существовавших до последнего времени и выполнявших этикетную функцию. Особенно в ситуациях, когда прямое речевое общение между людьми было запрещено или нежелательно (в частности, при знакомстве юношей и девушек, в ситуациях ссор, соперничества и др.). О. Э. Добжанская пишет, что кэйнгэйрса как живое фольклорное явление не сохранился, оставшись только в памяти пожилых людей, наблюдавших его в прошлом и запомнивших [1, с. 226].

Прочитывая сборник, ловим себя на мысли, что тексты авторов отражают взгляды разных направлений гуманитарного знания. Археологи пытаются реконструировать вещный мир, воссоздавая утраченный контекст. Этнографы печалются о безвозвратно ушедшем. Культурологи увещевают: во все времена утраты и потери в культуре (она не монумент) реальны¹, но важно различать, по каким статичным или динамичным законам развиваются эти элементы — отступают под напором цивилизации и технического прогресса или эволюционируют, трансформируются.

Как представляется, К. А. Сагалаев принимал диалектику культурных трансформаций, осторожно относясь к теории модерни-

¹ Хотя некоторые исследователи говорят о редукации, а по сути деградации, отдельных элементов культово-обрядовой жизни.

зации (в годы его деятельности еще «пробивавшуюся» в отечественной науке). Сохраняя традицию, важно понимать, чем вызвано ее бытование в новых условиях и насколько новации естественны. В статье самого К. А. Сагалаева, посвященной культовым практикам обитателей реки Юган (и написанной по материалам экспедиций), подтверждается сохранение в живом виде *прежнего*, а именно почитания семейных духов-покровителей. Отмечено использование в бытовом общении хантыйского языка и ношение в повседневном быту (женщинами) национальной одежды, регулярное проведение Медвежьего праздника [1, с. 201].

На фоне «плача Ярославны» отдельных этнографов оптимистичен взгляд Э. В. Енчинова, подробным образом описывающего один из значимых ритуалов алтайцев — Арчын (добыча можжевельника²) [1, с. 91]. Следование ему подтверждает не только его роль в сплочении людей, сохранении знаний, передаваемых из поколения в поколение, сохранении «сетки» ритуалов, но и его значение в поддержании и трансляции этнической идентичности жителей Горного Алтая (тех, для кого важен механизм активизации — сопричастности совершающего обряд к защите «нити» исчезающих традиций).

Н. А. Тучкова рассмотрела правила селькупского гостевого этикета, отражаемого в фольклоре. Она смогла выявить тот факт, что целый ряд селькупских фольклорных текстов несёт в себе мощный соционормативный и педагогический заряд. Именно сказки — основной хранитель информации о правилах этикета. В традиционной селькупской культуре (для которой характерна немногословность и сдержанность речи в передаче опыта) через сказки прививались знания: как «правильно» встречать и провожать гостей; как «неправильно» себя вести и «какими опасностями это чревато» [1, с. 243].

Есть в сборнике и материалы, позволяющие приблизиться к исследовательской «кухне» этнографа, раскрывающие специфику технологии его ремесла. К таковым можно отнести статью А. В. Бауло, посвященную истории

открытия тайны инициалов «ПБ». Они были оставлены на серебряной пластине из сборов совместной экспедиции автора статьи, А. М. Сагалаева и И. Н. Гемуева по северным районам Западной Сибири. Автор подробно описывает исследовательский путь, каким образом шел поиск, погружаясь в фонды местных и столичных музеев, атрибутируя различные предметы, обладающие внешним сходством технологического исполнения и сюжетов нанесенных рисунков. Так определилось имя мастера серебряных дел — тоболяка Петра Брюханова. Было (попутно) объяснено применение ряда предметов в обрядовой практике угров. При этом автор сделал значимое открытие о взаимовлиянии культур — пришлой и аборигенной, когда русские мастера специализировались на производстве металлических изделий для духовных практик [1, с. 138].

Не менее интересен рассказ об опыте работы киностудии «ТГУ-фильм» и студии «Визан» и их роли в становлении отечественной визуальной антропологии (статья В. В. Шубина). Ведь «За многолетнюю деятельность сотрудниками студии было создано более 100 научных и научно-популярных фильмов и телевизионных передач <...> накоплен богатейший архив фотодокументов, насчитывающий десятки тысяч единиц хранения, собран обширный фольклорный архив с записями носителей традиционной культуры коренных народов Сибири» [1, с. 169].

И неспроста замыкает первую часть сборника «Зеркала культур» статья А. В. Головнёва, делая «круговой поворот» к началу разговора — о преемственности культур, первобытных и современных, особенностях научных подходов, школ и дисциплин — археологии и этнографии (статья В. И. Молодина и Н. С. Ефремова «Культовые сооружения кыштовской культуры — от эпохи Средневековья до Нового времени»). Головнёв, исследуя движение кочевников, находит проявление этого алгоритма не только в «кружевном» («лепестковом») дизайне движения стада, но и в свадебном караване ненцев, в обряде захоронения, ритуальном танце. Его вывод парадоксален: «пространственное кружение представляет интерес не только как поведенческий эффект, но и как универсальный

² Непосредственным его участником Э. В. Енчинов стал 29–30 июля 2017 г. в Усть-Канском районе — в местечке Таркаты.

прием физического и ментального охвата пространства» [1, с. 257]. Именно круговой «орнамент», присутствующий во многих культово-обрядовых практиках, во многих образах и мифологических сюжетах говорит о связи индивидуального и коллективного, временного и целостно-пространственного. Круговое движение обладает социально-индивидуальной энергией и очень близко этничности, ассоциативно с ней.

Научная значимость представленного сборника заключается не только в том, большинство работ фиксируют и вводят в научный оборот внушительное число этнографических материалов, источников устного творчества. Представленные работы наглядным образом подтверждают идею Андрея Марковича Сагалаева о том, что любые попытки составления «всеобъемлющей», «универсальной», картины мира, схемы пантеона или культово-обрядовых практик шаманизма обречены

на провал. И не только потому, что собранная информация не полна, фрагментарна и не комплексна. Но и, в первую очередь, потому, что каждая локальная группа разрабатывает свои варианты преданий и мифов, свою картину мира.

При этом для каждого социума и индивида этот комплекс обладает характерными чертами, находящими отражение в мифологических сюжетах и в культово-обрядовых практиках. Каждый из шаманов на практике создавал свойственную только ему «виртуальную Вселенную». Эта модель, разумеется, во многих чертах совпадала у представителей одной или нескольких анализируемых групп. Подобные модели включают также более древние символы и архетипы, свойственные широкому кругу людей [1, с. 35].

Согласимся с Андреем Марковичем Сагалаевым: «Культура многогранна, и приходится вникать» [1, с. 52].

Alexandr P. YARKOV

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
ayarkov@rambler.ru

Svetlana A. ALTUKHOVA

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
iana.asol@mail.ru

On a Top-Quality Humanity Scholar

Abstract. The reviewed book describes the life and research work of Andrey Sagalaev (1953–2002), a famous Russian ethnographer, doctor of historical sciences, professor, public figure. Colleagues, students and friends of Andrey Sagalaev became the authors of the collective monograph. The first part of the book contains scholarly articles, field and archival materials, and translations related to the themes of the mythology, folklore, cult practices of the peoples of Siberia and the Far East. Culture is viewed as a synthetic phenomenon that goes beyond the narrow framework of evolutionary theory in these works. Culture does not have universals given “initially”. There are no absolutely identical plots. Accordingly, each of the cultures (“large” and “small”) is unique. Andrey Sagalaev believed that an archaic culture and an archaic society are a unique way of development, and the only possible one in the harsh environmental conditions of Siberia, the North, or the Far East, and this way requires understanding. He viewed Siberian shamanism as a special form of the natural philosophy of nature with its unique complex of ideas, ceremonial-ritual and cult components. The authors of the monograph developed these ideas in their research included in the book. They examine the themes of shamanism, the genesis of mythologems, the identification of the general and the special in the mythological plots of different

ethnic groups, the search for borrowings and sources of origin of certain mythical (cultural) heroes and plots, the description of cult and ritual elements. The second part of the book contains materials that can be attributed to the epistolary genre: memoirs, letters, and newspaper journalism. These issues made it possible to more fully reveal the versatility of Andrey Sagalaev's research interests and the facets of his extraordinary personality.

Keywords: Andrey Markovich Sagalaev, Tomsk, biography, research and pedagogical activity, ethnography, culture, archaic culture, mythology, shamanism, Siberia, the Far East.

Использованная литература:

1. Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост. предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.

References:

1. Derevianko, A.P. & Elert, A.Kh. (eds) (2019) *Zerkala kul'tur: Pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ярков, А. П. О гуманитарии «высшей пробы» / А. П. Ярков, С. А. Алтухова // Наследие веков. — 2021. — № 1. — С. 118–125. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.010 – Рец. на кн.: Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост. предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.

Full bibliographic reference to the article:

Yarkov, A. P. & Altukhova, S. A. (2021) On a Top-Quality Humanity Scholar. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 118–125. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.010